

Научная статья / Research Article

УДК 93/94

DOI: 10.36718/2500-1825-2026-1-181-193

Вячеслав Александрович Кудашкин

Братский государственный университет, Братск, Россия

kudashkinslava@rambler.ru

**СТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ТУРУХАНСКОЙ РАЙОННОЙ АССОЦИАЦИИ)**

Настоящее исследование на основе архивных материалов Государственного архива Красноярского края анализирует становление и деятельность Туруханской районной Ассоциации коренных малочисленных народов Севера в период 1995–1996 гг. как ключевого общественного движения коренных этносов (кетов, эвенков, селькупов) Туруханского района Красноярского края в условиях глубокого постсоветского кризиса. Возникшая в мае 1995 г. как ответ на коллапс традиционных родовых хозяйств, социально-экономическую катастрофу (массовая безработица, утрата оленеводства, недоступность базовых услуг) и отсутствие эффективной государственной поддержки Ассоциация сформировалась как первый институт самоорганизации и защиты интересов уязвимых сообществ в обширном и изолированном Туруханском районе. Исследование детально раскрывает экстремальные условия функционирования Ассоциации: катастрофический дефицит ресурсов (минимальное помещение, отсутствие оргтехники, транспорта, хроническое недофинансирование, длительные невыплаты зарплат), паралич транспортной инфраструктуры, блокирующий связь с поселками, и острый дефицит юридических кадров. Несмотря на эти системные барьеры, Ассоциация продемонстрировала высокую степень самоорганизации. Ее деятельность была многогранной: агрегирование и артикуляция нужд общин на всех уровнях власти (вплоть до международных форумов в Архангельске); оказание прямой жизненно важной материальной помощи (распределение продовольствия, одежды, улучшение жилья) за счет скудных бюджетных ассигнований; создание структур местной поддержки; активная правозащитная работа, включая борьбу за земли традиционного природопользования и требование исполнения существующих законов (Указ Президента РФ от 22.04.1992); установление связей с федеральными и международными организациями; инициация создания краевой Ассоциации КМНС и разработка стратегической программы в рамках Международного десятилетия коренных народов мира. Автор приходит к выводу, что общественное движение в лице Туруханской Ассоциации стало не просто целью консолидации, а жизненно необходимым, хотя и ограниченными ресурсами, механизмом выживания и решения неотложных социальных проблем. Оно компенсировало провалы государства, обеспечило голос маргинализированным сообществам и заложило основы для будущей институциональной защиты прав КМНС Красноярского края, несмотря на непреодоленные системные ограничения переходного периода.

© Кудашкин В.А., 2026

Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2026. № 1. С. 181–193.

Socio-economic and humanitarian journal. 2026;(1):181-193.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, общественное движение, постсоветская Россия

Для цитирования: Кудашкин В.А. Становление общественного движения коренных малочисленных народов севера Красноярского края в Постсоветской России (по материалам деятельности Туруханской районной ассоциации) // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2026. № 1. С. 181–193. DOI: 10.36718/2500-1825-2026-1-181-193.

Vyacheslav Aleksandrovich Kudashkin

Bratsk State University, Bratsk, Russia

kudashkinslava@rambler.ru

**THE DEVELOPMENT OF THE PUBLIC MOVEMENT OF INDIGENOUS
MINORITY PEOPLES OF THE NORTH OF KRASNOYARSK REGION
IN POST-SOVIET RUSSIA (BASED ON THE ACTIVITIES
OF THE TURUKHANSKY DISTRICT ASSOCIATION)**

This study, based on materials from the State Archive of the Krasnoyarsk Krai, analyzes the formation and activities of the Turukhansk District Association of Indigenous Small-Numbered Peoples of the North in 1995-1996. It examines the Association as a key social movement of indigenous ethnic groups (Kets, Evenks, Selkups) in the Turukhansk District of Krasnoyarsk Krai during the deep post-Soviet crisis. Established in May 1995 in response to the collapse of traditional clan-based economies, socio-economic catastrophe (mass unemployment, loss of reindeer husbandry, inaccessibility of basic services), and the absence of effective state support, the Association emerged as the first institution of self-organization and advocacy for the interests of vulnerable communities in the vast and isolated Turukhansk District. The research details the extreme operating conditions of the Association: a catastrophic resource deficit (minimal office space, lack of office equipment and transport, chronic underfunding, protracted salary delays), a paralyzed transportation infrastructure that severed connections with settlements, and a critical shortage of legal expertise. Despite these systemic barriers, the Association demonstrated a high degree of self-organization. Its activities were multifaceted: aggregating and articulating the needs of communities to all levels of government (up to and including international forums in Arkhangelsk); providing direct, vital material aid (distribution of food, clothing, housing improvements) using meager budgetary allocations; creating local support structures; active advocacy and human rights work, including the struggle for traditional land use and demanding the enforcement of existing laws (Presidential Decree of the Russian Federation No. 397 from April 22, 1992); establishing connections with federal and international organizations; initiating the creation of a krai-level Association of Indigenous Peoples; and developing a strategic program within the framework of the International Decade of the World's Indigenous People. The author concludes that the social movement, embodied by the Turukhansk Association, became not merely a tool for consolidation but a vitally necessary, albeit resource-limited, mechanism for survival and addressing urgent social problems. It compensated for state failures, provided a voice for marginalized communities, and laid the groundwork for the future institutional protection of the rights of indigenous peoples in Krasnoyarsk Krai, despite the insurmountable systemic constraints of the transition period. This work contributes to the study of the history of civil initiatives and the adaptation of Russia's indigenous peoples in the 1990s.

Keywords: Indigenous small-numbered peoples, social movement, post-Soviet Russia

For citation: Kudashkin V.A. The development of the public movement of indigenous minority peoples of the north of Krasnoyarsk region in Post-soviet Russia (based on the activities of the Turukhansky district association) // Socio-economic and humanitarian journal. 2026. № 1. P. 181–193. (In Russ.). DOI: 10.36718/2500-1825-2026-1-181-193.

Введение. История коренных малочисленных народов (далее КМН) России, неотъемлемая часть отечественной истории, отразила глубокие трансформации 1990-х гг. Автохтоны Красноярского края, как и вся страна, столкнулись с масштабными политическими и социально-экономическими реформами, которые оказали зачастую разрушительное воздействие на их правовое положение, традиционный хозяйственный уклад и быт. Кризисные процессы породили острую объективную потребность в новых формах самоорганизации – объединениях, способных представлять интересы КМН, защищать их права и способствовать сохранению уникальных идентификаторов культуры.

Положение коренных малочисленных народов напрямую определяется государственной национальной политикой, которая в постсоветский период эволюционировала в сторону отказа от патернализма, развития партнерских отношений и усиления роли институтов гражданского общества. В этом контексте общественные объединения КМН становятся ключевыми участниками, обеспечивающими диалог с властью, артикуляцию интересов и правовую защиту. Анализ изменений в политико-правовой сфере, создавших предпосылки для возникновения таких объединений и определивших условия их деятельности, приобретает особую актуальность. Сегодня, когда приоритетами государственной политики являются развитие гражданского общества, укрепление единства нации, гармонизация межнациональных отношений и стратегическое освоение ресурсов Крайнего Севера при одновременном улучшении качества жизни коренного населения, изучение специфики и роли этих объединений, особенно в регионах с ком-

пактным проживанием КМН, становится политически и социально значимым.

В историографическом дискурсе проблематика деятельности Ассоциаций коренных малочисленных народов Севера (КМНС) представлена комплексом исследований, рассматривающих их как ключевой институт гражданского общества, обеспечивающий взаимодействие этносов с государством и бизнес-структурами. В работах регионального характера подчеркивается роль ассоциаций в качестве площадки для артикуляции коллективных прав и социально-экономических запросов. Так, В.А. Власов, анализируя ситуацию в Красноярском крае, фиксирует активное участие региональных отделений Ассоциации (таймырской, эвенкийской и краевой) в разрешении конфликтов с недропользователями, приводя примеры успешного общественного контроля, как в случае с обращением по факту разлива газового конденсата, а также участия ассоциаций в общественных слушаниях по промышленным проектам [1]. Схожую мысль развивает Д.В. Козлов, который отмечает институционализацию участия ассоциаций в управленческом процессе через их включение в состав совещательных органов при органах власти (Рыбохозяйственный и Охотохозяйственный советы), подчеркивая, что структуры гражданского общества стали неотъемлемым элементом системы гарантирования прав коренных этносов после объединения регионов в 2007 г. [2].

В.П. Журавель, рассматривая проблемы российской Арктики в целом, акцентирует внимание на политико-правовом измерении деятельности Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (АКМНСС и ДВ РФ), характеризуя ее как активного субъекта

международного сотрудничества (статус при ООН и Арктическом совете), одновременно указывая на сохраняющиеся сложности во взаимодействии с государством по вопросам коллективных прав и процедур учета мнения коренных народов при промышленном освоении [3].

Современные исследования смещают фокус в сторону анализа сетевого взаимодействия и адаптации к глобальным вызовам. Е.Н. Богданова, Л.В. Воронина, М.В. Иванова и Т.М. Романенко, опираясь на акторно-сетевой подход, рассматривают ассоциации и общины КМНС в качестве ключевых звеньев в структуре публичного управления арктических регионов (ЯНАО, НАО, Мурманская область), выявляя проблемы «честного канала связи» и недостаточной вовлеченности коренных народов в процесс принятия решений, что актуализирует необходимость совершенствования моделей коммуникации [4].

Особое место в историографии занимают исследования, посвященные роли национальной интеллигенции как движущей силы ассоциативного движения. С.А. Кирюткин, В.А. Кудашкин и Л.А. Шевченко на материалах Красноярского края и Иркутской области убедительно доказывают, что именно представители интеллигенции (педагоги, врачи, работники культуры) составляли ядро региональных ассоциаций, возглавляя их и обеспечивая преемственность в работе по сохранению языка, культуры и улучшению социального положения соплеменников в 2000-е гг. [5].

Таким образом, анализ публикаций свидетельствует, что деятельность ассоциаций КМНС эволюционировала от локальных инициатив по защите прав к сложноорганизованной системе, сочетающей функции общественного контроля, международного представительства и социального посредничества, эффективность которой напрямую зависит от степени вовлеченности национальной интеллигенции и качества диалога с органами власти. В этой связи перспективным направлением дальнейших исследований представляется углубленное изучение деятельности локальных ассо-

циаций на уровне отдельных районов и поселений. Именно на местах формировались уникальные практики адаптации традиционного природопользования к современным экономическим условиям, возникали конфликты интересов и выработывались механизмы их урегулирования.

Туруханская районная Ассоциация малочисленных коренных народов Севера (далее – Ассоциация) была учреждена как общественно-политическая организация на сходе представителей коренного населения района в мае 1995 г. и официально зарегистрирована 14 июля того же года (регистрационный № 561) [6, л. 1]. На момент создания Ассоциация объединяла население семи поселков с компактным проживанием кетов, эвенков и селькупов (Келлог, Сургутиха, Горошиха, Мадуйка, Бакланиха, Совречка, Фарково), общая численность которых составляла 897 человек; дополнительно 289 представителей коренных народов проживали в девяти других поселках района, а восемь эвенкийских семей вели традиционный образ жизни на стойбищах у Совреченских озер. Первоначально, с мая по август 1995 г., штат организации состоял из президента и советника по вопросам национальной культуры.

Цель исследования – с использованием архивных материалов проанализировать процесс становления, стратегий деятельности и социально-политической роли Туруханской районной Ассоциации малочисленных коренных народов Севера в середине 1990-х гг. как первого института самоорганизации коренных этносов (кетов, эвенков, селькупов) Красноярского края в условиях общественного кризиса и трансформации российской государственности постсоветского периода.

Объекты и методы. В данном историческом исследовании применяется комплекс методов, характерных для современной исторической науки, с акцентом на работу с архивными источниками. Основу методологии составляет историко-генетический метод, который позволил проанализировать процесс становления

и развития Туруханской районной Ассоциации КМНС в хронологической последовательности (1995–1996 гг.), выявить причинно-следственные связи между глубоким постсоветским кризисом и возникновением потребности в новых формах самоорганизации коренных народов. Детальная реконструкция деятельности Ассоциации, от ее учреждения до конкретных направлений работы, была бы невозможна без скрупулезного изучения дел фонда № 1056 Государственного архива Красноярского края.

Вторым ключевым подходом является историко-системный метод, который дал возможность рассмотреть Ассоциацию не как изолированный феномен, а как элемент сложной и динамичной социально-политической системы переходного периода. В ходе исследования было проанализировано взаимодействие организации с различными уровнями власти (местным, краевым, федеральным), международными структурами (ООН), другими общественными объединениями и, что особенно важно, с самими сообществами коренных малочисленных народов. Этот метод позволил оценить роль Ассоциации как посредника между государством и малочисленными этносами, компенсировавшего институциональные провалы и выступавшего механизмом артикуляции интересов и решения неотложных социальных проблем в условиях системного кризиса.

Результаты и их обсуждение. Деятельность Ассоциации в начальный период характеризовалась крайне ограниченными ресурсами и необходимостью начинать работу «с нуля». Персонал (два человека, позднее увеличенный до трех с введением должности бухгалтера) занимался подготовкой регистрационных документов и решением вопросов с помещением, в итоге получив кабинет площадью 9 кв. м в здании районной администрации. Финансирование из районного бюджета было эпизодическим, что позволило лишь установить параллельный телефон с сельхозуправлением. Организация не имела оргтехники и транспорта, ведя всю документацию вручную. Не-

смотря на трудности, в июне-июле 1995 г. был подготовлен пакет документов, открыт расчетный счет в Туруханске, изготовлена печать, а также осуществлена поездка руководства в Красноярск и Москву для установления контактов с федеральной Ассоциацией народов Севера (во главе с В.Б. Пустовым) и обсуждения совместных планов работы, учитывая отсутствие на тот момент краевой ассоциации. Вопросы поддержки коренных народов, включая деятельность возглавляемой В.А. Шаталовой охотничье-промысловой Ассоциации, решал исполнительный директор А.Н. Нефедов, при этом отдельные аспекты работы требовали дальнейшего прояснения в рамках компетенции районной администрации и прокуратуры [6, л. 2].

Деятельность Туруханской районной Ассоциации малочисленных коренных народов Севера изначально строилась на основе планов федеральной Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, позднее дополненных положениями программы краевой Ассоциации. Однако в период с мая 1995 г. по июль 1996 г. организация столкнулась с критическим отсутствием финансирования. С октября 1995 г. три штатных сотрудника не получали заработную плату, что вынуждало вести работу исключительно на энтузиазме по наиболее актуальным направлениям. Деятельность разворачивалась в сложном социально-экономическом контексте обширного Туруханского района (19 380 341 га, население ~ 15 000 человек), где коренные малочисленные народы (кеты, эвенки, селькупы, общая численность 1200 человек, из них около 900 детей и 125 пенсионеров) составляли уязвимую группу (уровень безработицы среди взрослого населения ~ 7,0 %) [6, л. 3]. Как отмечалось в местной прессе [9], системные трудности региона, включая осязаемое отсутствие государственного внимания к Северу, усугубляли положение всех жителей, не говоря о специфических правах коренных малочисленных народов [6, л. 4].

Несмотря на объективные трудности, Ассоциация активно включилась в работу по формированию правовой базы защиты интересов коренных народов. Ключевой проблемой на местном уровне являлось полное отсутствие юристов в районе на протяжении года, что затрудняло имплементацию федеральных и региональных законов, призванных закрепить права малочисленных народов. Неоценимую помощь в этой работе оказал сборник правовых актов «Статус малочисленных народов России», служивший основой для разработки региональных законов и местных нормативных актов с учетом этнической специфики. Особую срочность приобрело принятие и реализация закона «О территориях традиционного природопользования», требовавшего четкого механизма действия в местах компактного проживания этносов, таких как кеты, чьи земли подвергались несанкционированной хозяйственной деятельности (строительство баз отдыха, охота, рыбалка) со стороны жителей Тюменской области [7]. Ассоциация настаивала на срочном вмешательстве краевых и федеральных органов власти для пресечения подобных нарушений. Отмечалось, что даже существующий Указ Президента РФ от 22 апреля 1992 г. «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера» не исполнялся, прежде всего из-за отсутствия действенных механизмов его реализации на местах [8].

На основании представленных архивных материалов можно заключить, что Туруханская районная Ассоциация малочисленных коренных народов Севера, созданная в мае 1995 г. как институт самоорганизации и защиты интересов местных этносов – кетов, эвенков, селькупов, в 1995–1996 гг. характеризовалась острым дефицитом материально-технических и финансовых ресурсов и формированием институциональной и правовой базы организации. Несмотря на эти объективные препятствия, Ассоциация предпринимала активные шаги по юри-

дическому оформлению и включилась в правозащитную деятельность.

Деятельность велась в крайне неблагоприятном социально-экономическом контексте района и на фоне системного отсутствия государственного внимания к проблемам Красноярского севера, усугубляемого острым дефицитом юридических кадров на местах и отсутствием действенных механизмов реализации уже существующих федеральных актов [8], что особенно ярко проявлялось в конфликтах вокруг территорий традиционного природопользования [6, л. 4]. Таким образом, начальный период работы Ассоциации демонстрирует как высокую степень самоорганизации и энтузиазма ее основателей и сотрудников в борьбе за права коренных малочисленных народов, так и глубокие институциональные и ресурсные проблемы, ограничивавшие ее возможности в условиях переходного периода 1990-х гг. в России.

С начала 1990-х гг. в Туруханском районе было зарегистрировано около двадцати родовых хозяйств КМНС, однако ни одно из них не функционировало как действенная форма местного самоуправления и хозяйствования. Кеты, селькупы и эвенки района находились в состоянии глубокой социально-экономической и политической незрелости, сравнимой с начальной стадией развития. Создание в 1995 г. Туруханской районной Ассоциации КМНС как общественно-политического органа рассматривалось как первый шаг к формированию институциональной основы для развития малочисленных этносов [6, л. 5]. Учреждение Ассоциации связывалось с надеждами на последующее принятие законодательства, гарантирующего права коренных народов, что позволило бы им включиться в рыночные отношения и общегосударственные реформы. Ключевой проблемой, угрожающей самому существованию народов, называлась утрата традиционной основы жизнеобеспечения – оленеводства, что создавало риск полной дезинтеграции сообществ.

В Архангельске в сентябре 1995 г. на международном уровне руководство Ас-

социации заявило о катастрофическом положении населения района на форуме по программам развития КМНС России, подчеркнув необходимость создания специального федерального ведомства по делам КМНС для системного решения проблем. На национальном и региональном уровне взаимодействие с органами государственной власти стало приоритетным направлением работы Ассоциации [6, л. 6]. Социальные вопросы КМНС обсуждались с руководством района. В октябре 1995 г. учредительный съезд КМНС Красноярского края привел к созданию краевой Ассоциации и формированию адресных программ поддержки для Таймыра, Эвенкии и Туруханского района. Однако финансирование социально-значимых программ было недостаточным и нерегулярным. Так, например, из запланированных 4,7 млрд рублей к июлю 1996 г. поступило лишь 100 млн [6, л. 6]. Отмечалась слабая координация с федеральными и региональными властями, а также тенденция чиновников игнорировать мнение самих коренных народов при решении их проблем.

Координационный Совет краевой Ассоциации провел серию заседаний, посвященных критическим проблемам КМНС: образованию, здравоохранению, жилью, безработице и хозяйственной деятельности родовых общин. Совместно с представителями Комитета Севера и Арктики краевой администрации обсуждались пути выработки механизмов государственной поддержки. Ключевой задачей признавалось создание благоприятной системы в сфере налоговой, кредитной и таможенной политики, направленной на формирование устойчивой экономической базы для выживания коренных народов Севера. Так, 1996 г. был объявлен годом кетов. Большая часть членов ассоциации возлагали надежды на решение социальных вопросов КМН, обратившись для решения правовых вопросов на уровне Государственной Думы РФ и краевого Законодательного собрания.

Таким образом, постсоветский период характеризовался для коренных мало-

численных народов Туруханского района кризисом родовых хозяйств и основ жизнеобеспечения. Создание районной и краевой Ассоциаций КМНС стало ответом на эту ситуацию, направленным на защиту прав этносов и поиск путей развития. Несмотря на активное участие в международных форумах, диалоге с властями и разработке программ поддержки на разных уровнях, деятельность Ассоциаций столкнулась с системными трудностями: хроническим недофинансированием, отсутствием эффективных механизмов реализации законов и программ, слабой координацией с центральными органами власти и сохраняющимся патернализмом чиновников. Надежды на улучшение ситуации связывались с развитием законодательства и созданием специализированных государственных институтов поддержки.

Деятельность Туруханской районной Ассоциации малочисленных коренных народов Севера (КМНС) на данном этапе была вынужденно сосредоточена преимущественно на решении социальных вопросов этносов, в то время как системное решение экономических проблем оставалось недостижимым. Позитивно воспринимаемая населением, Ассоциация сталкивалась с фундаментальным ограничением: ее финансирование могло осуществляться исключительно за счет бюджетных средств. Отсутствие в районе промышленных объектов лишало организацию альтернативных источников дохода, а хронические перебои в бюджетных ассигнованиях на мероприятия и содержание аппарата препятствовали стабильной работе. В поисках выхода из тупика рассматривалась возможность налаживания взаимодействия с хозяйствующими субъектами соседних регионов, например Тюменской области, активно эксплуатирующими природные ресурсы района.

Одним из потенциальных путей решения экономических и социальных проблем коренных народов виделось заключение договоров с государственными предприятиями, выражавшими готовность к сотрудничеству. В качестве при-

мера такого подхода приводились три предварительных соглашения о намерениях, достигнутых с обувной и швейной фабриками, а также хлебокомбинатом города Ачинск. Отмечалась также заинтересованность Ачинского глиноземного комбината. Разработка четкого и продуманного механизма сотрудничества между коренными малочисленными народами Севера (КМНС) и государственными предприятиями РФ рассматривалась как взаимовыгодная модель, способная поддержать как аборигенное население, так и сами предприятия [6, л. 7].

Сотрудничество в сфере подготовки кадров для района, несмотря на его потенциальную плодотворность, сталкивалось с серьезными трудностями. Основной проблемой являлось то, что специалисты, получившие образование за пределами района, зачастую не возвращались на родину. Доступ к престижным специализированным учебным заведениям РФ (таким как Полярная академия, Высший колледж технологий национальных промыслов в Санкт-Петербурге, Тюменский институт сельского хозяйства и природопользования, университеты Магадана и Сургута, РГПУ им. Герцена, РУДН, Институт Севера и Арктики МГОУ и др.) для талантливой молодежи из числа КМНС ограничивался не только качеством довузовской подготовки и интеллектуальным развитием, но и, прежде всего, финансовыми возможностями их семей [6, л. 8]. Преодоление кадрового дефицита рассматривалось как ключевой фактор для решения проблем выживания и обеспечения полноценного развития этносов района.

Таким образом, деятельность Туруханской районной Ассоциации КМНС в рассматриваемый период характеризовалась вынужденной концентрацией на социальной сфере при хронической невозможности эффективно решать экономические проблемы из-за абсолютной зависимости от нестабильного бюджетного финансирования и отсутствия местной промышленной базы. Хотя потенциал виделся в сотрудничестве с государственными предприятиями и подготовке местных кадров, реализация этих на-

правлений наталкивалась на системные барьеры: отсутствие отработанных механизмов взаимодействия, «утечку мозгов» и финансовую недоступность качественного образования для коренной молодежи. Успех в преодолении этих вызовов зависел от сочетания сильной воли и инициативы снизу с искренней и действенной поддержкой со стороны государственных структур.

Туруханская районная Ассоциация малочисленных КМНС объединяла население семи ключевых поселков с компактным проживанием коренных этносов: Келлог, Сургутиха, Бакланиха, Горошиха и Мадуйка (кеты), Фарково (селькупы) и Совречка (эвенки). Членство этих поселков в Ассоциации было официально подтверждено протоколами сходов граждан [6, л. 10]. Население еще девяти поселков района, хотя и не представляло в полном объеме документы о формальном вхождении, регулярно обращалось к Ассоциации за практической помощью, которую та оказывала по мере возможностей. На местном уровне в основных поселках были созданы женсоветы «Аборигенка» [5], взявшие на себя решение актуальных вопросов семьи, образования и здоровья детей, жилья и занятости.

Координация деятельности с поселками сталкивалась с серьезными объективными трудностями. Единственное заседание Координационного совета с представителями поселков удалось провести в январе 1996 г. для подведения итогов полугодовой работы и планирования. Регулярность подобных встреч была невозможна из-за огромных расстояний между населенными пунктами и крайне ограниченных транспортных возможностей. Зимой единственным доступным транспортом был воздушный, летом в некоторые поселки можно было добраться водным путем. Однако состояние авиапарка (самолеты АН-2 и вертолеты Ми-8) оценивалось как критическое, а наземная техника не обновлялась годами, что делало связь с отдаленными территориями дорогостоящей, ненадежной и часто зависящей от санитарных заданий.

Несмотря на сложности, районная Ассоциация, при поддержке краевой организации «Ассоциация кетского народа», стремилась решать широкий спектр проблем: кадровые вопросы, безработицу, жилищные трудности, оперативное реагирование на чрезвычайные ситуации в поселках, распределение гуманитарной помощи. Предпринимались шаги по поддержке экономической активности, например становлению родового сельскохозяйственного предприятия в п. Сургутиха. Велась просветительская работа среди населения по правам, экономическим вопросам и адаптации к рыночным отношениям. Однако осознавалась ключевая проблема: без активизации экономического направления и решения фундаментальных экономических вопросов вся работа Ассоциации по политическим и социальным аспектам рисковала стать неэффективной.

Таким образом, взаимодействие Туруханской районной Ассоциации КМНС с подведомственными поселками в рассматриваемый период характеризовалось формальным членством семи этнических поселений при неформальном запросе на помощь со стороны остальных. Деятельность на местах, включая работу женсоветов «Аборигенка», охватывала острые социальные нужды. Однако географическая разбросанность, катастрофическое состояние транспортной инфраструктуры и хроническая нехватка ресурсов крайне затрудняли координацию и эффективное оказание помощи. Хотя Ассоциация прилагала разнонаправленные усилия (от адресной поддержки до просвещения), осознание приоритетности экономических решений для устойчивого развития этнических сообществ оставалось ее ключевым, но труднореализуемым выводом на фоне системных ограничений.

Международная и межрегиональная деятельность Туруханской районной Ассоциации КМНС активизировалась в 1995–1996 гг. Участие в международном форуме по программам развития КМНС в Архангельске предоставило руководству Ассоциации возможность ознако-

миться с практиками решения проблем коренных народов в Канаде, Финляндии и Норвегии. В ноябре 1995 г. состоялось важное событие. Прошел I Учредительный съезд оленеводов РФ, где представители Ассоциации установили контакты с региональными объединениями Приамурья, Сахалина, Эвенкии, Таймыра и Ямало-Ненецкого автономного округа. Опыт таких организаций, как Ассоциация «Ямал – потомкам» и Ассоциация КМНС Сахалинской области, а также опыт Якутии и Бурятии в решении национальных вопросов, был признан особо ценным и существенно сократил адаптационный период молодой Туруханской Ассоциации. Были налажены связи с Союзом студентов Красноярского государственного университета, занимавшимся проблемами народов Севера [6, л. 11–12].

Важным достижением стало установление связи с Рабочей группой ООН по коренному населению. В апреле 1996 г. президент Туруханской Ассоциации получил приглашение от секретаря Рабочей группы Джулиана Бургера принять участие в ее 14-й сессии. Однако хроническое недофинансирование Ассоциации и общая сложная экономическая ситуация в стране на тот момент не позволили реализовать это приглашение, подчеркнув ограниченность финансовых возможностей организации для полноценной международной деятельности.

Программа деятельности Ассоциации в контексте провозглашенного ООН Международного десятилетия коренных народов мира базировалась на планах федеральной и краевой Ассоциаций КМНС, адаптированных к местным условиям. Ключевыми стратегическими задачами были определены: изучение положения народов Севера в условиях переходной экономики; охрана здоровья и обеспечение образования детей; решение социально-экономических проблем родовых хозяйств. На законодательном уровне Ассоциация настаивала на принятии краевым и федеральным парламентами конкретных законов, развивающих положения Конституции РФ (ст. 69, 71, 72) о

правах КМНС [10]. От Правительства требовались практические шаги: урегулирование земельных отношений между государством и КМНС; обеспечение реального самоуправления; создание федерального Центра по проведению Десятилетия. Также признавалась насущная необходимость введения должностей уполномоченных по правам КМНС на федеральном и краевом уровнях и активного содействия СМИ в освещении целей Десятилетия, преодоления его замалчивания на краевом уровне. Несмотря на масштаб задач, начало работы в этом направлении было оценено как важный старт.

Таким образом, в 1995–1996 гг. Туруханская районная Ассоциация КМНС активно включилась в международное и межрегиональное сотрудничество, используя форумы в Архангельске и на Съезде оленеводов для обмена опытом и установления связей с ассоциациями других регионов России и зарубежья. Установление контактов с ООН стало значимым, но финансово недостижимым уровнем взаимодействия. В рамках Международного десятилетия коренных народов мира Ассоциация сформулировала комплексную стратегию, фокусирующуюся на законодательном закреплении прав КМНС, практических мерах государственной поддержки (особенно в земельных вопросах и самоуправлении), создании специализированных институтов и привлечении внимания СМИ. Эта стратегия отражала осознание необходимости системного подхода к защите интересов коренных народов на всех уровнях власти, несмотря на скромные ресурсы самой Ассоциации и сложный социально-экономический контекст.

В 1996 г. основным источником финансирования деятельности Ассоциации коренных малочисленных народов Туруханского района являлся районный бюджет, который выделил организации общую сумму в размере 160 млн рублей. Распределение этих средств отражало ключевые направления работы Ассоциации: 23,5 млн рублей было направлено на содержание аппарата управления,

27,0 млн покрыли операционные расходы на командировки, канцелярию, телефонную связь и приобретение оргтехники. Наиболее значительная часть бюджета, 60,1 млн рублей, была израсходована на оказание прямой материальной поддержки членам общин, включая приобретение одежды и продуктов питания. Финансирование также включало 30,0 млн рублей на улучшение жилищных условий коренного населения, 17,0 млн на поддержку национальных фермерско-крестьянских хозяйств и 2,4 млн на мероприятия, связанные с регулированием добычи соболя и охотустройством [6, л. 13].

Несмотря на полученное финансирование, отчетный период характеризовался тем, что Ассоциация не смогла в полной мере реализовать весь свой уставной потенциал в финансовой сфере за столь короткий срок. Тем не менее наблюдались позитивные тенденции в развитии организации: ее авторитет среди коренных народов и властных структур демонстрировал пусть медленный, но поступательный рост. Улучшался уровень организационной работы и налаживались деловые контакты с другими общественными объединениями и организациями различного уровня. Хотя в повседневной деятельности отмечались недостатки и ошибки, внутри Ассоциации существовала уверенность в возможности их преодоления и в перспективах более конструктивной и плодотворной работы в будущем.

Финансовая деятельность Ассоциации коренных малочисленных народов Туруханского района в 1996 г. полностью зависела от бюджетного финансирования, которое было направлено на административные нужды, операционные расходы, прямую материальную помощь населению, улучшение жилья, поддержку традиционного хозяйствования и охотничьего промысла [6, л. 12–13]. Несмотря на неполную реализацию уставного потенциала и наличие текущих проблем, организация демонстрировала признаки институционального укрепления – рост авторитета, улучшение качества работы и развитие сотрудничества. Это формировало основу для оптимистичных ожи-

даний относительно ее будущей роли в решении социально-экономических проблем коренных этносов района и Крайнего Севера в целом.

Деятельность Ассоциации в начальный период протекала в условиях крайне ограниченных ресурсов и системных вызовов. Организация столкнулась с хроническим недофинансированием, отсутствием материально-технической базы, невыплатами зарплат сотрудникам и катастрофическим состоянием транспортной инфраструктуры, что парализовало связь с удаленными поселками. Ключевыми препятствиями стали: неисполнение существующих правовых актов, отсутствие юристов в районе, неразработанность механизмов реализации законов о территориях традиционного природопользования, а также утрата традиционных основ жизнеобеспечения [6, л. 13]. Зависимость от нестабильного бюджетного финансирования и отсутствие местной промышленности блокировали решение экономических проблем, вынуждая Ассоциацию концентрироваться на социальной поддержке.

Несмотря на объективные трудности, Ассоциация продемонстрировала значительную самоорганизацию и активность. Она успешно институционализировалась, установила контакты с федеральными и международными структурами, активно участвовала в форумах и способствовала созданию краевой Ассоциации КМНС. Организация сформулировала стратегическую программу в рамках Международного десятилетия коренных народов мира, фокусируясь на законодательном закреплении прав (особенно на землю и самоуправление), создании специализированных госинститутов. Рост ее авторитета, улучшение координации и налаживание деловых связей, а также попытки установить сотрудничество с предприятиями создавали предпосылки для более эффективной защиты интересов коренных этносов Туруханского района в будущем, хотя успех напрямую зависел от преодоления системных ограничений и реальной поддержки со стороны государства.

Заключение. Таким образом, на основе архивных источников был проведен анализ деятельности Туруханской районной Ассоциации КМНС в 1995–1996 гг. Ключевой вывод заключается в том, что общественное движение КМНС Красноярского края стало жизненно важным инструментом для защиты их прав и решения острых социальных проблем в условиях системного кризиса и государственной неэффективности. Созданная «с нуля» как ответ на глубокий социально-экономический коллапс 1990-х гг. Ассоциация, несмотря на нехватку финансовых, материальных, кадровых ресурсов и институциональные барьеры, взяла на себя функции социального защитника и политического представителя уязвимых этносов. Ее значимость как цели и решения социальных проблем проявляется в нескольких аспектах.

Ассоциация стала единственным каналом, через который разрозненные и географически изолированные общины могли консолидировано заявлять о своих социальных проблемах на всех уровнях власти – от районной администрации и до федеральных структур, а также международных форумов. Важным компонентом ее деятельности было оказание прямой социальной поддержки коренным малочисленным народам. В условиях отсутствия эффективных государственных программ, Ассоциация, опираясь на небольшое бюджетное финансирование, стала ключевым распределителем жизненно необходимой помощи и инициатором улучшения жилищных условий, выступая буфером против крайней нищеты.

Деятельность общественных структур КМН была направлена на решение широкого спектра задач — от повседневных социальных вопросов до системной защиты прав на региональном уровне. Так, инициирование женсоветов «Аборигенка» в поселках позволило адресно реагировать на проблемы семей, детей, занятости и здоровья на местах, компенсируя тем самым слабость официальных социальных служб. Параллельно с этим общественные активисты вели борьбу за законодательное закрепление прав коренных этносов, противодействовали не-

законной хозяйственной деятельности пришлых лиц и добивались исполнения существующих указов, что было направлено на защиту самой основы социального существования общин и предотвращение утраты их ресурсной базы. Важнейшим результатом этой активности стало создание краевой Ассоциации, которое произошло при активном участии Туруханского отделения. Объединение позволило инициировать разработку адресных программ поддержки КМНС края, способствуя тем самым переходу от разрозненных локальных усилий к системному подходу в решении социально-экономических проблем уже на региональном уровне.

Таким образом, общественное движение в лице Туруханской районной Ассоциации, возникшее как самоорганизация снизу, стало не просто целью консолидации коренных малочисленных народов, но и критически важным, хотя и ограниченными ресурсами, механизмом выживания и решения неотложных социальных проблем. Оно компенсировало провалы постсоветского государства в социальной сфере на Крайнем Севере, дало голос маргинализированным сообществам и заложило основы для будущей институциональной защиты их прав и интересов в Красноярском крае, несмотря на все системные препятствия переходного периода.

Список источников

1. Власов В.А. Понятие и некоторые меры государственной поддержки коренных малочисленных народов (на примере Красноярского края) // Аграрное и земельное право. 2016. № 1 (133). С. 82–87.
2. Козлов Д.В. Организационно-правовые основы гарантирования прав коренных малочисленных народов Крайнего Севера Российской Федерации (на примере Красноярского края) // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 3. С. 140–144.
3. Журавель В.П. Права коренных народов российской Арктики: проблемы и решения // Арктика и Север. 2018. № 30. С. 76–96. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.76.
4. Богданова Е.Н., Воронина Л.В., Иванова М.В., Романенко Т.М. Взаимодействие коренных малочисленных народов Севера с органами власти в контексте акторно-сетевых подходов: адаптация к глобальным вызовам // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2022. Т. 2. № 4. С. 420–430. DOI: 10.34130/2070-4992-2022-2-4-420.
5. Кирюткин С.А., Кудашкин В.А., Шевченко Л.А. Общественные организации коренных малочисленных народов Красноярского края и Иркутской области и национальная интеллигенция в 2000-е годы // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 2 (40). С. 116–120. DOI: 10.18324/2224-1833-2020-2-116-120.
6. Государственный архив Красноярского края. Ф. 1056. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–13. Проекты уставов Межрегиональной общественной организации «Ассоциации КМН севера Красноярского края, Эвенкии и Таймыра, и ее подразделений (1995 г.).
7. О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: Федеральный закон № 49-ФЗ: [принят Государственной Думой 4 апреля 2001 года: одобрен Советом Федерации 26 апреля 2001 года]. Москва, 2001. Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.09.2025).
8. О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера / Указ Президента РФ от 22 апреля 1992 г. № 397. <https://docs.cntd.ru/document/901605856> (дата обращения: 17.08.2025 г.).

9. Кому нужен наш район? // Маяк Севера. 1996. 25 апреля.
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря. № 237.

References

1. Vlasov V.A. Ponyatie i nekotorye mery gosudarstvennoj podderzhki korennyh malochislennyh narodov (na primere Krasnoyarskogo kraja) // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2016. № 1 (133). S. 82–87.
2. Kozlov D.V. Organizacionno-pravovye osnovy garantirovaniya prav korennyh malochislennyh narodov Krajnego Severa Rossijskoj Federacii (na primere Krasnoyarskogo kraja) // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. 2014. № 3. S. 140–144.
3. ZHuravel' V.P. Prava korennyh narodov rossijskoj Arktiki: problemy i resheniya // Arktika i Sever. 2018. № 30. S. 76–96. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.76.
4. Bogdanova E.N., Voronina L.V., Ivanova M.V., Romanenko T.M. Vzaimodejstvie korennyh malochislennyh narodov Severa s organami vlasti v kontekste aktorno-setevogo podhoda: adaptaciya k global'nym vyzovam // Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo centra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo inve-stirovaniya Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. T. 2. № 4. S. 420–430. DOI: 10.34130/2070-4992-2022-2-4-420.
5. Kirjutkin S.A., Kudashkin V.A., Shevchenko L.A. Obshchestvennye organizacii korennyh malochislennyh narodov Krasnoyarskogo kraja i Irkutskoj oblasti i nacional'naya intelligenciya v 2000-e gody // Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri. 2020. № 2 (40). S. 116–120. DOI: 10.18324/2224-1833-2020-2-116-120.
6. Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja. F. 1056. Op. 1. D. 9. L. 1–13. Proekty ustavov Mezhtregional'noj obshchestvennoj organizacii «Associacii KMN severa Krasnoyarskogo kraja, Evenkii i Tajmyra, i ee podrazdelenij (1995 g.).
7. O territoriyah tradicionnogo prirodopol'zovaniya korennyh malochislennyh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon № 49-FZ : [prinyat Gosudarstvennoj Dumoj 4 aprelya 2001 goda : odobren Sovetom Federacii 26 aprelya 2001 goda]. Moskva, 2001. Tekst: elektronnyj // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: <http://pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 18.09.2025).
8. O neotlozhnyh merah po zashchite mest prozhivaniya i hozyajstvennoj deyatel'nosti malochislennyh narodov Severa / Ukaz Prezidenta RF ot 22 aprelya 1992 g. № 397. <https://docs.cntd.ru/document/901605856> (data obrashcheniya: 17.08.2025).
9. Кому нuzhen наш район? // Маяк Севера. 1996. 25 апреля.
10. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosova-niem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golo-sovaniya 1 iyulya 2020 g.) // Rossijskaya gazeta. 1993. 25 dekabrya. № 237.

Статья принята к публикации 04.02.2026 /
The article has been accepted for publication 04.02.2026.

Информация об авторе:

Вячеслав Александрович Кудашкин, доцент базовой кафедры «История, педагогика и психология», кандидат исторических наук, доцент

Information about the authors:

Vyacheslav Aleksandrovich Kudashkin, Associate Professor, Basic Department of History, Pedagogy and Psychology, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

